

иван калашников

история довоенного донбасса в символах

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Калашников
История довоенного
Донбасса в символах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42674952

SelfPub; 2019

Аннотация

История довоенного Донбасса в символах Донецкого края. События развиваются в течение весны-лета 2003 года в городе Донецке и пригороде. История о том, к чему приводят коррупция, вседозволенность, беспринципность и измененность региональных властей... Содержит нецензурную брань.

Часть I. Герб

Отчасти спортивный зал общеобразовательной школы был схож с церковным: такое же большое полутёмное помещение с высоким потолком, со светлой массой, казавшейся неосязаемой, но видимой оболочкой. В спортзале подобное впечатление создавалось не иконами или свечами, а множеством тел, в разных позах уснувших после бурной ночи на сваленных безо всякого порядка циновках.

Смердящее и храпящее на всю школу тело своего шефа адъютант Вовочка распознал сразу же – потной горой оно возвышалось в центре общей массы. Брезгливо обминая сопящих в пьяном сне детей, стараясь также не касаться разбросанной тут и там одежды, Вовочка пробрался к центру спортзала и, слегка осоловевшим от увиденного взглядом (так и не смог привыкнуть), в тысячный раз себя спросил: зачем школьницам, юным и цветущим, зачем им нужен стареющий, толстый, плохо пахнувший мужчина? Деньги? Денег им не платили, доступность здесь была распространена за бесплатно, деньги берут проститутки, а эти девочки не считали себя проститутками. Мужское достоинство? В данный момент оно находилось прямо перед глазами Вовочки, маленький смешной комочек плоти, казалось, скатившийся с вер-

шины огромного живота и застрявший по недоразумению в области паха. Высокое положение в обществе? Возможно, но должности, благодаря которой в обществе можно появляться увешанным малолетними б***ями, ещё не придумали в этой стране.

– Владислав Сергеевич, – негромко позвал Вовочка.

Спящий мужчина не шелохнулся, так же спал, так же смердел и так же храпел. Поколебавшись, Вовочка ещё раз позвал своего шефа по имени и отчеству, затем осторожно коснулся потного бицепса своей папкой, с отвращением заметив, что на углу кожаного предмета осталось тёмное липкое пятно.

Начальник областной государственной автодорожной инспекции Донецкой области, Владислав Сергеевич Щербатов, просыпался по частям. Первыми проснулись его короткие пальцы, на волосках которых застыли миниатюрные прозрачные капельки пота. Когда Щербатов поднял руку к переносице, чтобы растереть её, как если бы до этого ему долго пришлось работать в очках, Вовочке показалось, что рука его шефа пребывала в воде: спортзальный сумрак украсился веером брызг.

Увидав Вовочку, Владислав Сергеевич принялся выделять губами невообразимые движения, своеобразная гимнастика перед длительным всех убеждающим ораторстванием. Однако Щербатов произнёс одно-единственное слово:

– Что?

– В «Белый дом» вызывают. Губернатор. На девять. Экстренное совещание, – произнёс адъютант, делая между предложениями нужные паузы, – нужные для того, чтобы информация без помех достигала мозга самого главного гаишника области.

Информация ушла мимо. Владислава Сергеевича беспокоил кишечник. С усилием перевернувшись на бок, он выпустил газы в рыжие кудри какой-то девчонки, которая так неосторожно заснула в опасной близости к массивной заднице Щербатова. Впрочем, девочка не проснулась, по-прежнему тихо сопела в жёсткую циновку.

– Что? – вновь произнёс Владислав Сергеевич, к восприятию информации областного значения расположенный теперь значительно лучше. У Вовы от вони заслезились глаза, но он доблестно вытерпел едкий выхлоп гаишника, и слово в слово повторил сообщение об экстренном совещании. Выслушав, Владислав Сергеевич перевёл взгляд на малолеток, подобно расстрелянным партизанам разбросанным вокруг него. События минувшей ночи вязко достигли сознания Щербатова; как показалось Вовочке, от главного гаишника области стало даже меньше вонять, – благодаря сладким воспоминаниям.

Выпускницы, – настоящие выпускницы, обладательницы аттестатов зрелости, осыпанные родительскими слезами и поцелуями, – покинули школьный спортзал за два часа до пробуждения Владислава Сергеевича, для того чтобы вме-

сте со своими одноклассниками встретить рассвет. Эта традиция жила даже в микрорайоне «Текстильщик». Щербатов, проявляя к девочкам снисхождение, про себя дикую оргию, знаменующую выпускной вечер называл «последним уроком»; выпускницы в большинстве своём были вышедшими из детского возраста особями женского пола, физически зрелыми и развитыми, находящими за пять минут до того, что принято называть «женщинами».

Владислава Сергеевича тошнило от зрелых женщин, даже красивых и эффектных.

Так же по сложившейся традиции на выпускной вечер в школах микрорайона «Текстильщик» приобщались едва ли не все родственники и близкие люди выпускников. Владислав Сергеевич был очень близким другом очень большого количества школьниц микрорайона «Текстильщик». Все школьницы рано или поздно становятся выпускницами, – Щербатов слыл активным участником всех выпускных вечеров и последующих за ними ночей. Его знали в школах всего микрорайона, и в спортзал вместе с выпускницами допускались девочки из классов прилегающих к выпускному, – прилегающих вплотную и не очень.

Если бы не срочный вызов в облисполком Владислав Сергеевич остался бы в школе как минимум до обеда, благо в спортзале осталось столько доступных тел, а уроки физкультуры с начала весны были перенесены на открытый воздух. К тому же на следующий день после выпускного вечера

школам присуще страдать похмельем (если к зданиям, связанным с детским образованием, присущи подобные страдания), поэтому будет чудом, если физрук, – как бишь его? – вообще выйдет на работу.

Вот так в последний раз оприходовав девчачью ораву, прежде использованную им многократно, – в автомобиле, в парке, в школе, в служебном кабинете, в цирке, в кукольном театре, на колесе обозрения и в детской библиотеке (была такая на «Текстиле» когда-то), начальник донецкой ОблГАИ распрощался с девочками, уже готовыми для полноценной взрослой жизни.

Глядя на детей, которым до выпускного вечера остался какой-нибудь год-два, Владислав Сергеевич, скорее механически, нежели с нежностью, подумал: «Ждите. К вам я ещё вернусь».

Прохладный воздух школьного вестибюля, за ночь отдохнувшего от образовательного праздника, слегка отрезвил Щербатова. Особенно цепким, как это ни странно, для памяти пришёлся транспарант, скотчем прикреплённый к вестибюльной стене: «До свиданья, школа!» Действительно – до свиданья, думал начальник ОблГАИ, я же сказал, что вернусь, значит, вернусь. Владислав Сергеевич был человеком слова, об этом на Текстиле также знали. Другая проблема – плакат «До свиданья, школа!» мешал сосредоточиться, вымыслить аналитическим приёмом, зачем губернатор собирает экстренное совещание, – именно так сказал Вовочка. Бы-

ло бы хуже, если бы сказал, что вызывают только его, Щербатова.

О похождениях начальника ОблГАИ знали не только в микрорайоне «Текстильщик». На «Текстиле» Щербатов чувствовал себя безнаказанным, как нигде более, и за те долгие годы, что он занимал высокий пост, он успешно приручил местное население ему не перечить. Сказал – вон ту, в синей курточке с меховым воротником, – тут же доставляли ребёнка к его возбуждённой похоти. Власть в нашей стране, она ведь для народа, а не для жителей глубокой жопы большого города Донецка под названием микрорайон «Текстильщик», и уж тем более не для детей этих жителей.

И всё же сомнения терзали Владислава Сергеевича. Он родился и вырос в те консервативные годы, когда потеря ответственности в 14 лет совсем не поощрялась независимо от физического состояния несовершеннолетнего лица («при чём тут лицо?!» – недоумевал Владислав Сергеевич). И уж подавно в те далёкие годы не приветствовались сношения слишком взрослых мужчин со слишком невзрослыми девочками, тем более, с несколькими подряд. Поэтому где-то в глубине души Щербатова тлела заноза: то, чем он занимается (подразумевалась не служебная деятельность начальника ОблГАИ) далеко не благоразумно, быть может, даже преступно и уголовно наказуемо. Но чем сильнее заноза впивалась в совесть Владислава Сергеевича, вернее то, что от неё осталось, тем благодушнее была его улыбка: уголовная ответственность и

место начальника ОблГАИ совершенно не уживались друг с другом, об этом знали даже учащиеся индустриально-педагогического техникума.

На председателе областного исполнительного комитета народных депутатов начальство Щербатова могло закончиться в один прекрасный день. Каждый раз, услышав от Вовочки «экстренное собрание», Владислав Сергеевич думал, что вот оно, состоится возмездие за его пагубное пристрастие к малолеткам. Как минимум – лишат должности, а сколько будет позволено на должности новой – неизвестно. Возможно – нисколько, и тогда придётся начинать всё с начала, толкаться на подростковых дискотеках, сношаться с малолетками в тесных накуренных туалетах. Владислава Сергеевича пробирала дрожь, когда он вспоминал прошлое, и обличала сладость, когда он видел настоящее: ночь после выпускного вечера, щели сочно блестят в полумраке, дыхания смешиваются со стенами... Сладкие минуты бытия.

– Кого ещё вызвали? – хриплым голосом по возможности раздражённо спросил Щербатов.

– Н-не знаю... Кажется, всех, – ответил Вовочка. После таких вечеров он прятал взгляд, даже интуиция не помогала выведать истинную информированность адъютанта.

Увидев стоящие у школьного крыльца «Жигули» с гражданскими номерами, Владислав Сергеевич досадливо поморщился. Та ещё история. Тоже началась с выпускного вечера...

Автомобильная индустрия существует достаточно долго, чтобы ребёнку было понятно: важна не тачка, на которой ты едешь, а номера на этой тачке. Первые цифры – нули, три подряд повторяющиеся семёрки или какие-нибудь другие цифры, – всё это разбилось однажды об идею, созревшую в ГАИ Украины, а именно: оформить номера служебного транспорта ГАИ белыми символами на синем фоне. Насколько высокое положение не занимал бы человек, какие отличительные признаки не венчали бы его автомобиль, власть на дорогах всегда будет сама по себе. Собственно, белое на голубом придумали именно для того, чтобы рыбак рыбака видел издали. Главным на автомобильных номерах стали именно цвета, числа и буквы потеряли своё значение.

Для мастерской, штампующей номерные знаки сделать белое на голубом – плёвое дело. Тем более, никакими законами запретить это не успели.

Но прежде, чем соответственные оттенки набрали популярность в народе, донецкие гаишники успели добавить в белое с голубым дефлорационные тона.

Изнасилованная и запуганная малолетка, вышвырнутая из гаишной тачки на тротуар, размазывая сопли и слёзы по лицу, путаясь в собственных трусах, болтающихся на щиколотках, ни за что не побежит жаловаться, даже родителям, увидев, в какой машине её отымели доблестные сотрудники госавтоинспекции. Население особо не информиро-

валось относительно новых цветов, украсивших транспорт ГАИ. Здесь, очевидно, имело место самоинформирование. В течении какого-нибудь сезона электорат понял: даже если тебя трахнули во все дыры сразу, и дело случилось в машине с номерами «белое на голубом», ты бессилён что-либо сделать в ответ.

В раж гаишники вошли ещё быстрее, за какой-нибудь месяц. Телевизионщики оперативно засняли эпизод, где обыкновенная легковушка с гаишными номерами, да ещё с гербом Украины на капоте, поверх которого, – очень символично, – большими буквами было выведено «ГАИ города Донецка» украдкой остановилась у тротуара и двое гнедых патрульных, – все понты, от погон до жезлов, – затащили в салон приглянувшуюся девочку в мини-юбке. Эпизод показали по региональному ТВ, но резонанса в обществе он не вызвал.

Пик пришёлся на май месяц. В день, когда по городу проходили выпускные вечера, дороги Донецка остались бесконтрольными. Гаишники сидели в засадах, и ждали, когда на улицы вывалят пьяные выпускники. По пьяни – море по колено, а уж пропустить через себя взвод дорожных патрульщиков – вообще ерунда. Наутро многие выпускники не могли толком вспомнить, что произошло, но с дуру гаишники отымали внучку полковника СБУ, – полковник и дал ход делу, имея на руках неоспоримое доказательство развратного и вызывающего поведения ГАИ: совершенно случайно кто-то из родителей заснял на видео, как внучку полковника СБУ

затаскивают в машину с бело-голубыми номерами. Внучка особо не сопротивлялась, но это не играло особой роли.

Основной удар по донецкой ГАИ пришёлся с другой стороны: автомобилисты-частники в спешном порядке принялись избавляться от тех самых номерных знаков, за которые они заплатили двойную цену, с которыми, как они рассчитывали, их не будут останавливать на дорогах за мелкие нарушения и просто так. В обладателях авто, чьи номерные знаки были выполнены белым и голубым, начали подозревать насильников и извращенцев.

Негласно, негромким убедительным шёпотом воспитателям в детских садах, в школах – учителям младших классов и классным руководителям рекомендовалось во время коллективных выходов за пределы воспитательно-образовательных учреждений избегать проезжей части. Классы и группы к месту назначения проводили дворами.

Всё завершилось на изнасилованной внучке полковника СБУ. У донецких ментов уже были 64 заявления об изнасиловании, но мусора ждали удобного случая, чтобы нанести одному из своих противников болезненный удар, – и вот этот момент настал.

Разборку госслужащих в кабинете министерства угольной промышленности Владислав Сергеевич вспоминал, когда его «Жигулёнок», промчавшись по улице Петровского, совершал вираж на Ждановской (своевременно переименованной в Мариупольскую) развилке. Вовочка предложил

спустить стекло, в салоне дышать было нечем, – Щербатов равнодушно отказался: своё не воняет...

Минуглепрома давно уже перенесли в столицу, в Донецке остался так называемый «угольный офис», но здание, на которое указывал памятник вождя мирового пролетариата, по-прежнему называли министерством угольной промышленности. В узкой, тесной комнатухе, рядом с туалетом, с маленьким окошком и неказистой мебелью, чинов высоких и не очень вызывали только для того, чтобы от них избавиться, – даже не понизить в должности, для этого существовала масса других кабинетов. Тогда, два года назад, Владислав Сергеевич почувствовал, не то, чтобы под ногами загорелась земля, скажем так, – неуютно и зыбко. Когда он прибыл в «угольный офис», там уже сидел начальник горГАИ Синельников, и «другие высокопоставленные лица», несомненно, поставленные много выше ГАИ. Владиславу Сергеевичу уделили очень много внимания. О его педофильных походах по отдалённым и прилегающим районам знали не понаслышке, в нужный момент высокопоставленное лицо предъявило групповой (в хорошем смысле этого слова) снимок: Щербатов в окружении малолеток, в купальных костюмах, глазки маслянисто блестят, детские руки доверчиво лежат на массивных коленях самого главного донецкого гаишника.

Владислав Сергеевич трусливо отправил все стрелы на своего коллегу по городу. Синельников от такого предательства выпучил глаза, и забрызгал слюной, но, действитель-

но, заявления об изнасиловании касались лишь гаишников города Донецка, провинция в этом отношении пребывала в спокойствии, деревенские гаишники не имели привычки насиловать детей. Дождавшись, когда Синельников заполнёт все свои знаки почёта и отличия на кителе, Владислав Сергеевич вновь взял инициативу в свои руки и миролюбиво заговорил о том, что мусора из УВД снова перегнули палку. Возможно и было дело, затаскивали кого-то в автомобили, ну, с кем не бывает, люди у власти, всем присущи слабости...

Щербатов взял не тот тон, ему сразу же на это указали: «На вас смотрят и вам подражают!» Но драка, в принципе, уже состоялась, все достаточно побрызгали слюной на кители. Дело оставалось за малым: найти козла отпущения, который смог бы выдержать обвинения в шестидесяти четырёх изнасилованиях, и отсидеть за них срок. Владислав Сергеевич с надеждой рассматривал кандидатуру Синельникова, начальник ГорГАИ давно уже не устраивал начальника ОблГАИ, но банковали не гаишники, и в долгих разработках проекта по спасению лавочки, контролирующей автомобильные дороги, как-то сама собой выплыла фигура майора Сидорова.

Честный этот малый, мухи не обидевший за свою жизнь, и, вообще, непонятно как дослуживший в ГАИ до майора, с готовностью принял на себя удар. Щербатов понятия не имел, что наобещали майору Сидорову, но во время суда тот сидел спокойно, всё подтвердил, а в заключении полковник

СБУ, дедушка изнасилованной внучки, добросовестно плюнул майору Сидорову в лицо, отомстив, таким образом за родную кровь.

До сих пор в сейфе начальника ОблГАИ лежали три списка автомобильных номеров, «белое на голубом»: первый включал в себя автомобили, действительно принадлежащие донецкой ГАИ; второй – автомобилистов-частников, выполнивших свои номера «под ГАИ; третий – тоже частники, но всеми правдами и неправдами по жуткому блату получившие «настоящие» гаишные номера.

До сих пор дончане спешили увести своих детей прочь от машин, так или иначе указывающих на принадлежность к ГАИ.

До сих пор учителя и воспитателя водили детей дворами и закоулками.

Когда на Щербатова начали коситься соседи, Владислав Сергеевич не выдержал. Своей машины ему было жаль, но он распорядился, чтобы номера переделали на обычные. Пусть хоть с пятью нолями, но чёрное на белом, а не как-то ещё...

Возможно, под взглядами девяти первых людей Донецкой области, обыкновенный дончанин провалился бы сквозь землю, но только не Владислав Сергеевич. «С малолетками всю ночь путался, педофил с мигалкой», – говорили эти взгляды. Щербатов оставался спокоен, во-первых, потому

что знал, первых людей в городе Д. так много быть не может, первый человек – он всегда один, и именно на этом совещании его как раз не было.

Во-вторых, у каждого из присутствующих была своя слабость, или «пагубная страсть», исключая, быть может, Лилию Подкопаеву, слишком молоденькая, вообще, не понятно, как её сюда занесло, если член партии «Регионы Украины», так давайте уж всю партию позовём, только губернаторского кабинета на всех не хватит.

Доминирующей «пагубной страстью» власть держащих в городе Д. и области было, разумеется, хищение госсредств в крупных и очень крупных размерах. Поэтому педофил Щербатов на общем фоне выглядел настолько большим оригиналом, что на подобных совещаниях позволяло ему чувствовать себя почти щеголем и даже иногда опаздывать (этого не позволял себе даже начальник донецкой налоговой полиции). Владислав Сергеевич раздумывал, есть ли смысл отечески потрепать щёчку гимнастки Подкопаевой, но отказался от этого намерения: Щербатов был уверен в том, что обладает некоей неотразимой мужской чертой в своей внешности (и потому малолетки от него без ума), а Лилия была для него слишком старой, ещё влюбится, возись с ней потом, а у Владислава Сергеевича жена, дети...

В социалистические времена силовые структуры на совещаниях были представлены тремя фигурами: главный мент, главный гаишник и незримая фигура главного разведчика

области. С наступлением независимости расклад изменился до неузнаваемости. Во-первых, из тени вышли разведчики, и первым делом предъявили свои претензии на кусок пирога, названного «бюджетом». Во-вторых, из хрен знает какой жопы вылезли таможенники (эти – благодаря приблизившимся на доступное расстояние границам) и налоговики. Как нетрудно догадаться, представителями из хрен знает какой жопы стали лица, которым по тем или иным причинам не нашлось места в МВД, ГАИ и СБУ. Главный таможенник и главный налоговый области подозрительно хорошо уживались друг с другом. На совещаниях в облисполкоме они сидели на одном углу стола и выглядели родственниками или, по меньшей мере, земляками. Три другие угла стола для совещаний занимали начальники областного УВД, СБУ и ОблГАИ. Места между ними были обычно заняты всякой шушвалю, от начальника ОблОНО до Лилии Подкопаевой. И у всех в этот день на лицах покоилось лёгкое недоумение, вызванное экстренностью совещания. Прочистить мозги губернатор мог и каждому в отдельности. На том же Владиславе Сергеевиче висели дорожные «пробки», появившиеся сразу же с началом планового ремонта дорог. Но все сразу?

Губернатор Донецкой области уж как два года пребывал в ауте, обладал малыми полномочиями, потому что на свою должность был поставлен Президентом страны. Обеспечил голоса для второго срока шефу – можешь отдыхать, сиди не вякай, всё равно дольше Президента не просидишь. А своё

отношение к первому лицу в государстве донецкие власти очень ярко продемонстрировали во время последнего приезда супруги Президента в регион. В Донбассе её любовно называли Леонидой Даниловной.

В свой предыдущий приезд, как раз после переизбрания президента на второй срок под фишку «Бизнесмены Украины – детям Украины», первая леди Украины увезла с собой полные чемоданы денег. После её визита в Донецке и области вновь открылись пункты приёма металла и макулатуры, – другими словами, власти вновь вспомнили о детях.

В последний приезд Леониду Даниловну, явившуюся с той же фишкой и той же целью, не встретили в аэропорте, а автомобиль, транспортирующий её в центр города, тормознули гаишники, – прямо на северном терминале, на мосту, недалеко от Путиловского автовокзала, – и банальным образом оштрафовали на пятнадцать гривен. Сумма была мизерной, потому и унижительной вышла процедура. Супруга Президента отправилась сразу же в ОблГАИ, но там ей, как и всем ожидавшим в приёмной, пришлось просидеть два часа, после чего секретарша Владислава Сергеевича объявила о том, что начальник ОблГАИ отправился на селекционное совещание в город Волноваху. Это была спланированная акция, одобренная отнюдь не губернатором Донецкой области. Щербатов была даже удостоен поощрительных улыбок со стороны начальников ОбЛУВД и СБУ. Впрочем, подобных трюков с членами президентской семьи решили больше

не повторять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.